

Удары любви

Дело было так. В Москву собрался Горан Брегович. На 15 и 16 апреля его концерты были запланированы в Театре Моссовета. Не поехать на выступление балканского гения - да как можно?! Слишком интересен персонаж, слишком самобытен. Слишком отличается от прочих звезд. Да и читателям, любящим фильмы Эмира Кустурицы (а они немалымы без музыки Бреговича), без репортажа о его концерте не обойтись.

В общем, я была заинтересована только в профессиональном смысле. Личных мотивов тут не было: когда мне подарили пластинку Бреговича, я даже удивилась - так он был нехорош. С обложки улыбался довольно сладенький молодой мужчина с хлышеватым зализом. Зато музыка... Брегович может заменить барабанный ритм звуком капель, падающих с потолка и ударяющихся о бетонный пол. Он свободно смешивает старинную народную музыку и современную электронную. Да и вообще - живет по собственным законам.

Первый удар был нанесен мне на пресс-конференции. Горан Брегович оказался красавцем. Черные глаза, черные волосы, чеширская улыбка. У него отменное чувство юмора. Он тактичен. Жесток в суждениях, но подает их так, что никто не обижается, разве что дураки. И он уверен в себе! Мало найдется мужчин, которые без рисовки, в открытую признаются, что они состоявшиеся, удачливые, талантливые. И даже фраза Бреговича "в Югославии я стал культовым композитором" не кажется напыщенной.

Второй удар пришелся на тот же день, в клубе "Китайский летчик Джао-да" на концерте другой югославской группы - "Ла данца апокалипса балканика". Да-да, в минувшие выходные на Москву было совершенно югославское

нашествие, и, чтобы зря не терять времени, я решила подготовиться к концерту Бреговича с помощью звезд меньшего масштаба. Подготовка вышла ничего себе.

"ЛаДаАБа" - группа экстраординарная. Ее лидер - саксофонист Борис Ковач - сделал ставку на танго. "Предыдательство, что эта ночь - последняя на свете. Что это танго - последнее в вашей жизни. Так давайте танцевать!" - коверкал Ковач мой родной язык. Танцевать хотелось, да было негде. После "Антропологии" посмотреть на безумных югославов пришлось пол-Москвы. Клубная публика по-простецки с музыкантами здоровалась, кричала "янки гоу хоум!" и даже подпевала, что было неожиданно.

Подпевать и думать - вот, пожалуй, и все, что можно было делать в стесненных обстоятельствах "Летчика". Думалось под музыку страны, которую так хотят превратить в выжженную пустыню, прямо скажу, невесело. Ковач хорошо знает свое дело. Большую часть жизни он прожил в городе Нови-Сад, где совсем недавно каждое танго, исполненное этим высоким человеком, могло стать последним.

Если это музыка Югославии - то каково же будет завтра, в момент выступления официального коронованного композитора этой страны Горана Бреговича?

Назавтра был третий удар. Мне пообещали интервью с Бреговичем. И во дворе Театра Моссовета я встретила Горана. Он широко улыбнулся и сказал: "Здравствуйте". Нет, ну я, конечно, всю пресс-конференцию просидела четко напротив него. И вопросы задавала, и смотрел он только на меня (а фиг ли!). Но это еще не повод для узнавания в московских дворах. Определенно Брегович - звезда новой формации.

И вот я в третьем ряду - и опять напротив звезды. Вернее, напротив стула, на котором должен сидеть маэстро. Свет погас. Оркестр сыграл две знакомые песни из "Королевы Марго". И вдруг под песню "Калашников" на сцене появился цыганский барон. В белом костюме, с зеленой переливающейся брошкой у воротника, он вышел, пританцовывая и одаривая "своих" цыган деньгами. Вместе с ним и его цыганской группой в Моссовета выступали Познаньский струнный оркестр, женское вокальное трио из Болгарии и московский мужской хор "Пересвет". Белоснежному Бреговичу противостоял чер-

ный дирижер и одновременно барабанщик Оги.

Дирижерство Оги - особая тема. Кажется, он не руководит оркестром, а исполняет сложнейшие пируэты китайской гимнастики. Движения плавные, лицо свирепое, черная шелковая рубашка так и колыхается - мороз по коже. Брегович тут на вторых ролях, потому что все подчиняется Оги. А Горан так - поет и на гитаре играет всего лишь.

Играли часа два. После чего, откланявшись, ушли. Зал

Балканский гений оказался красавцем

стоял намертво и минут пятнадцать отбивал ладони. Никто не пошел в гардероб за куртками. Расположившаяся рядом со мной югославская диаспора (представители посольства) напрочь забыла о своем дипломатическом статусе и махала руками и ногами, требуя "Месячину". Бре-

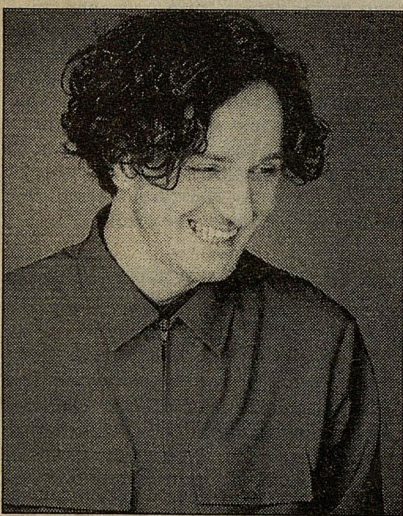
гович выходить не хотел. Он уже налил себе виски и даже чокнулся с Оги в честь удачного шоу. Но выйти "на бис" все же пришлось. На лице Горана застыло выражение детского изумления - он явно не ожидал такого приема.

Дуэтом дирижер и композитор спели народную песню "Росла на крыше тыковка". Потом Брегович учил зал правильно петь "Калашников". Оказывалось, после привычных для каждой армии трубных позывных нужно громко выкрикнуть "вперед!" - и пошла песня. Зал с готовностью гаркал "вперед!", как один большой прапорщик. Только я сидела, придавленная своим большим чувством. Лучшего концерта в моей жизни не было.

Все эти калашниковские "бум-бум-бум та-ра-рам пуц-пуц" достигли своей цели. И если теперь я чуть ли не каждый день буду писать о югославской музыке, знайте: я ангажирована самым ярким, самым обаятельным и самым талантливым ее представителем.

К.Щ.
(Будучи замужем, вынуждена ограничиться инициалами)

Горан Брегович:

- Всех волнует, почему вы перестали работать с Кустурицей. Что произошло?

- Да ничего особенного! Поначалу все было здорово - всегда приятно объединиться вокруг светлой идеи. Тогда для нас такой идеей было кино. Но сейчас почти любой фильм - прежде всего продукт, и процесс его создания чем-то напоминает мне совместную работу в "Макдоналдсе". Слава богу, я не поп-звезда и не должен светиться в чартах. Мне бывает комфортно и без музыки. Да и время золотых пар тиза Феллини - Рота прошло.

- Ваша парта с Кустурицей тоже была золотой?

- Я давно понял, что гитара мне нужна из-за девушек: больше всего они любят гитаристов. И тренировал себя всячески. А Эмира сейчас интересует другая музыка. Ребята из его "No smoking band" давно учатся играть на музыкальных инструментах. Когда-то они называли свою

"Мне бывает комфортно и без музыки"

музыку "новым примитивизмом из Сараева". Поначалу это было классно - такой залихватский, очень смешной балаган. Сейчас, когда они начали относиться к себе слишком серьезно, их неумение играть стало очевидным.

- Все равно получается, что вы вместе продвигаете югославскую музыку. Или вы все-таки больше?

- Более двадцати лет назад все локальные традиции были буквально раздавлены англосаксонской музыкой. Я же, как мне кажется, в освоении родных корней был более успешен, чем другие, - может, был более настойчив. Наверное, после меня люди станут более восприимчивыми к народной музыке. Хотя сегодня и так хватает средств информации - Интернет, телевидение. Не будь этого или родился я на пятьдесят лет раньше, никто, кроме моих земляков, не знал бы Горана Бреговича.

Вот вы в России интересуетесь мной, потому что вам близка "цыганщина", а взять ее негде. (То, что поет и играет у вас в ресторанах, - не цыгане, а живой труп). А я просто делаю свое дело, опираясь на народную музыку и не закидываясь на одной конкретной традиции. Хочу быть разнообразным, чтобы тоже не стать живым трупом.

- Злые языки говорят, что вы просто воруете народные песни...

- Называйте это как хотите. Все, что мной написано, было когда-то заимствовано у народа. Я достаточно эклектичен.

- Так песня "Калашников" - все-таки ваша или народная?

- Иногда я сам слышу свои песни от старух в югославских деревнях. И "Калашников" не исключение. Хотя могу поклясться: до меня этой песни не существовало...

Поймите одну вещь. Когда вы молоды, у вас есть миллион возможностей услышать, узнать, оценить, сравнить. Но мне пятьдесят. В этом возрасте есть шанс понять и освоить что-то одно. У меня уже нет времени на миллион возможностей - я сконцентрировался на традиции. Потому что это живое, дышащее. И популярно в народе, то, что мои песни внезапно потеряли авторство, - тому свидетельство. Значит, я удачно сконцентрировался.

- Война отразилась на вашей музыке?

- Я уехал из Югославии сразу же после начала войны. И то, что я делаю, сравнимо с любым эмигрантским творчеством. Вот вам еще одна причина, почему в своей музыке я обращаюсь к традиционному искусству.

- Вы когда-нибудь участвовали в музыкальных акциях протеста в Сербии?

- Естественно, никогда! Не люблю, когда меня используют. Может быть, раз три я и участвовал в политических событиях, если это можно назвать участием. Однажды, еще до войны, я выступил с речью в Сараеве. Интеллигенция тогда образовала собственный парламент, чтобы хоть как-то повлиять на ситуацию. Но ничего не получилось: нелепо полагать, что ты важная персона, если тебя поддерживают три процента населения. Второй раз, года три назад, я выступал перед студентами на первой демонстрации против

Милошевича. Но говорил не о политике, а лишь о необходимости правил игры. Знаю об этом не понаслышке - долгое время я был президентом боксерского клуба в Сараеве...

- Боксерами?

- Этот вид спорта играет большую роль в моей жизни... Бокс - это когда два парня сражаются друг с другом в рамках четких и строгих правил. Если эти правила отменить, получится уличная потасовка. Ну и мое совсем недавнее выступление - первый за долгое время концерт в Югославии - было отдаленно связано с политикой. Тогда оппозиция праздновала победу.

- Вы до сих пор эмигрант?

- Да. У меня есть семья, две дочери, они настоящие француженки. Однажды я подумал, что, если вернуться, мои дети станут югославами. Но это уже нереально. Зачем искусственно насаждать им другую культуру? Когда-нибудь они сами к ней придут, ведь человек неизменно любит то место, где родился. Родина - не политическое понятие, а скорее эмоциональная территория. Когда люди говорят, что любят Америку или Россию, - это не то же самое, что любить Югославию. Быть югославом в наше время трудно. Легче быть французом.

- А вам нравится это время?

- Могло быть и хуже. Хотя я родился там, где оперировать понятиями "лучше - хуже" сейчас безумно сложно.

Беседовали Катя ЩЕРБАКОВА
и Евгений КОГАН,
Москва - Петербург

МНЕ ЧУТКО И ЗВУКИ